

**К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРИФЕРИЙНОГО
СЕВЕРНОГО ПОЛЬСКОГО ДИАЛЕКТА XVIII в.
(на материале завещаний, составленных на белорусских землях)**

Показаны некоторые результаты многовекового белорусско-польского языкового взаимодействия в формировании лексики периферийного северного польского диалекта XVIII в.; названы причины лексической интерференции в изучаемом диалекте. Представлены примеры восточнославянского влияния, которое проявилось в поддержке лексических и семантических архаизмов, употреблении восточнославянизмов, в инновациях.

Some results of long Belarusian-Polish language contact in the forming of the provincial northern Polish dialect's lexicon are shown. The reasons of the lexical interference in this dialect are named. The east Slavic influence's examples are presented. This influence was in supporting of lexical and semantic archaisms, in using east Slavic lexemes, in innovations.

На территории Великого Княжества Литовского в течение долгого времени (XIV–XVIII вв.) существовала исключительная ситуация многоязычия (см. Жураўскі 1967, 4): старославянский, старобелорусский, польский, латынь, а также языки других народностей (см. Свяжынскі 2005, 58–66). В данном исследовании обратим внимание на белорусско-польское языковое взаимодействие. Переселенцы из Польши появились на землях ВКЛ еще в XIV в. После Кревской унии 1385 г. усилился политический и военный союз ВКЛ и Польши. Письменная традиция польскоязычного населения способствовала появлению полонизмов в языке государственных документов – старобелорусском (см. Свяжынскі 2005, 63). После заключения Люблинской унии 1569 г. полонизация набирает силы. В XVI–XVII вв. деловые документы писались и по-белорусски, и по-польски. Постепенно польский язык и культура в среде высших слоев общества приобрели статус престижности, чему способствовали и социально-политические причины. В итоге в 1696 г. Всеобщая конфедерация сословий в Варшаве (Konferencja Generalna Warszawska) изменила государственный язык на польский (см. также: Kurzowa 1993, 17–43). Польский язык функционировал в сфере канцелярии, администрации, судебной практики, художественной и научной литературы. Белорусский язык сохранялся среди крестьянства, мелкой шляхты, городских ремесленников (см. Жураўскі 1982, 31–34). Одновременно с польским языком распространяется латынь, этому способствовала полонизация культурной и общественной жизни белорусов, так как латинский язык на территории Речи Посполитой рано стал официальным.

В результате в условиях тесного функционального взаимодействия, использования двух языков одними и теми же носителями сложилась такая ситуация двуязычия, под воздействием которой польский язык подвергся модификации, следствием чего стало формирование регионального варианта польского языка, используемого высшими слоями общества. Этот вариант польские лингвисты называют по-разному: *polszczyzna kresowa*, *dialekt północnokresowy* и др., в русско- и белорусскоязычной научной литературе данному определению соответствует формулировка *периферийный северный польский*

диалект. (Подробнее о терминологии см.: Kurzowa 1993, 62–64; Веренич 1973; Вярэнч 1973.)

Объектом нашего исследования является названный периферийный северный польский диалект, на котором составлены тексты завещаний XVIII в. из брестских, витебских, гродненских, минских актов книг, послужившие материалом для данной статьи (см. Национальный исторический архив Беларуси). Обратим внимание на результаты взаимодействия языков, отражаемые на уровне лексики.

Лексика – наиболее подверженная изменениям и влиянию система языка. «Словарный состав признается наиболее “проницаемой” областью языка. Лексика никогда не может в своем существующем составе исчерпывающе отразить всю беспредельность человеческого опыта и окружающего внешнего мира, поэтому большинство лексико-семантических рядов и микросистем каждого языка содержится всегда в “открытом” состоянии» (Жлуктенко 1974, 123, 126). В определенных «социокультурных условиях у двуязычных носителей происходит нечто вроде слияния словарных запасов двух языков в единый фонд лексических инноваций. ...Основопологающим условием для лексической интерференции является... ощущение лексического “дефицита” (lexical “gap”)» (Вайнрайх 1972, 42–43) (ср. также его описание типов лексической интерференции: Вайнрайх 2000, 83–94). У двуязычных второй язык выступает в таком случае дополнительным источником номинации. «Явлением лексической интерференции следует считать все вызванные межъязыковыми связями изменения в составе лексического инвентаря, а также в функциях и употреблении лексико-семантических единиц, в их смысловой структуре» (Жлуктенко 1974, 129). Процессы интерференции тем более возможны при контакте близкородственных языков, потому что их системы близки в историческом развитии. Причины лексической интерференции лежат в культурно-общественных связях и контактах, особенностях названий реалий административного, политического, бытового, религиозного характера и т. д., – в том, что различает реальности двух языков и народов. (О мотивах заимствований см.: Вайнрайх 2000, 95–101; Жлуктенко 1974, 133–136.) Некоторые психологические законо-

мерности выбора лексем в речи билингва описывает Е.М. Верещагин (см.: Верещагин 1969, 78–101).

«Можно говорить об интерференции постольку, поскольку говорящий в том или ином отношении отклоняется от норм языка, которым он пользуется. Но интерференция не обязана всегда оставаться интерференцией, т. е. отклонением от нормы; при частом повторении она сама может стать нормой» (Хауген 1972, 62). Для исследуемого периферийного северного польского диалекта такая постоянная интерференция становится нормой, и в этом случае мы говорим не об отклонении от нормы польского или белорусского языков, а об особом составе лексики диалекта. Однако для обнаружения и классификации явлений лексической интерференции необходимы данные словарей белорусского и польского языков, т. е. «адекватное описание рассматриваемых языков» (Хауген 1972, 69).

Трудность описания лексики связана с тем, что часто сложно классифицировать принадлежность лексемы к тому или иному языку в условиях их близкого исторического развития. Наше внимание обращено на те явления, которые могли появиться в речи авторов исследуемых текстов под восточнославянским влиянием. Вряд ли можно говорить о намеренном использовании неполонизмов и искажений. Учитывая социальную и юридическую важность ситуации составления завещания, скорее можно предположить, что завещатель был уверен в том, что его поймут чиновники и наследники, а писари понимали то, что записывали за завещателем (в крайнем случае могли передать фонетическую оболочку слов).

Чтобы сделать вывод об особом, периферийном характере лексемы, проводилась лексикографическая работа со словарями польского и белорусского языков (в некоторых случаях со словарями русского языка), также нами использовался словарь, составленный З. Курцовой (см. Kurzowa 1993, 329–473). Степень обработки каждой лексемы неравномерна, поскольку зависит от количества собранного материала. При необходимости обращаемся к словарю Я. Сондла для объяснения значения латинизмов. Нами проанализировано 72 лексические единицы на основе изученных 24 текстов завещаний XVIII в., а также лексикографических источников.

При отборе лексики возникло несколько проблем. В некоторых случаях трудно разграничить фонетическое и лексическое взаимодействие языков. Многие лексемы под воздействием белорусского языка меняли фонетический облик, иногда возникали гиперкорректные формы и искажения на письме: например, *wiszniowy*. Как квалифицировать подобные формы: как фонетическую интерференцию (*ś*→*sz*) либо как лексикализованную форму (ср. ст.-бел. *вишня*, *вышня* (ГСБМ, III, 299), древнепольское *wisznia*)? К лексикализованным относятся такие формы, как *oczewisty*, *oczewiście* (Kurzowa 2007 [a], 215–216).

Еще одной трудностью является установление системности употребления лексемы: единичное использование, особенности идиолекта либо регулярное употребление в речи. О системности можно говорить, опираясь на исследования лексики текстов периферийного северного польского диалекта, для нас таким источником явился словарь З. Курцовой (см. Kurzowa 1993, 329–473).

Для классификации собранного лексического материала целесообразно, как нам кажется, воспользоваться традиционным разделением всех фонетических и грамматических черт периферийного диалекта на три основные группы:

1) явления, общие для развития польского языка и периферийного северного диалекта (в эту группу включают также архаические черты, развивающиеся на периферийных территориях медленнее, чем на центральных); 2) особенности, сформировавшиеся под влиянием белорусско-литовского субстрата; 3) черты собственно периферийного северного польского диалекта, развившиеся самостоятельно, не повторяющие польские или белорусские.

Применительно к описанию лексики можно интерпретировать эту классификацию следующим образом.

1. Лексика текстов завещаний, зафиксированная в словарях польского языка, соответствующая развитию литературного польского языка, сюда также отнесем лексические и семантические архаизмы. Большую роль в поддержке архаизмов играет белорусский язык (см. Kurzowa 1993, 478). В данной группе лексики нас интересуют прежде всего архаизмы. Например, *koždy*, *komornik*.

Koždy 'каждый': *Kożdego takowego turbatora Pozywam na Sąd Straszny Panski; na kożdego człowieka zwyrokow Boskich wydany Edykt*. В древнепольском языке существовал вариант *koždy* (S16, X, 211; L, II, 342; SW, II, 309). Старобелорусскому языку и белорусским диалектам известно *кожды* (СБГ, II, 358; ГСБМ, XV, 174). Данную лексему можно квалифицировать как лексический архаизм, поддерживаемый белорусским языком. **Komornik** 'чиновник, занимающийся определением границ между земельными участками': *przedemno Antonim Henrykiem z Laskowa Laskowskim Komornikiem Ziemskim*. Для польского языка это значение квалифицируется как провинциальное (SW, II, 423). Белорусскому языку известно подобное значение в XIV–XVIII вв. (ГСБМ, XV, 245–247), белорусское диалектное значение отражается в примере контекста 'прыехаў каморнік і абмерал усё поле' (СБГ, II, 391); в языке документов Северо-западного края (белорусские земли в XIX в.) встречается наименование *komornikowie ziemscy* 'землемеры' (СГ, 185). Такое же наименование фиксируется в польском языке XVI в. (S16, X, 511). Семантический архаизм в квалификации З. Курцовой (ZK, 373), поддерживаемый белорусским языком.

2. Лексемы, появившиеся в речи авторов за вещаний, а следовательно, и в текстах, под влиянием белорусского языка (не исключено влияние других языков, сосуществующих на данной территории в рассматриваемое время, о языковой ситуации в ВКЛ см.: Свяжынскі 2005). Такие случаи можно назвать «прямым перенесением» (Вайнрайх 2000, 83). К восточнославянскому влиянию относим также особенности функционирования латинских заимствований: здесь имеем в виду то, что латинизм выступает в тексте в том значении, в каком его зафиксировал «Гістарычны слоўнік беларускай мовы». Это также названия культурных и административных реалий ВКЛ. В эту группу, например, включаем лексемы *cielicyz*, *kustodia*, *mostowniczy*, *zrost*.

Cielicyz ‘телячий’: *poruczay cielicyz*; *Odruczaju Cieliczego*. Современный белорусский литературный и диалектный вариант *цялячы* (СБГ, V, 389; ТСБЛМ, 739). **Czoszo** ‘рыбье брюшко’: *Czosza Trzy Jenczmienia Dwie Gryki dwie*. Современным белорусскому и русскому языкам известно *цёша*, *цёшка* ‘брюшная часть севрюги, осетра, которая идет в пищу в вяленом виде’ (ТСБЛМ, 731) и *тёша*, *тёшка* ‘брюшная часть осетра, белорыбицы’ (ТСРЯ, 983); данная лексема зафиксирована В. Далем: *тёша*, *тёшка* ‘рыбье брюшко’ (Даль, IV, 405). **Kustodia** ‘печать, охрана печати’: *U tego Testamentu przy wyrzniętej Kustodyi podpisy tak Samego Aktora iako też JPP Pieczętarzow takowe*. Это орфографически адаптированный латинизм *custodia* ‘защита, стража, охрана’ (*custodiam praestare* ‘следить за сохранностью вещи и уберечь ее от повреждений и потерь, а также нести за это ответственность’) (Sondel). В исследуемых текстах лексема зафиксирована именно в том значении, в каком известна белорусскому языку в XIV–XVIII вв.: *кусто́дия* ‘защитная накладка (преимущественно над печатью в древних документах)’ (ГСБМ, XVI, 248). В документах XIX в. с белорусских земель встречается *custodia*, более адаптированный вариант *kustodya* ‘при печати называлась вырезанная возле печати часть бумаги, которою прикрываема была сама печать’ (СГ, 79). В польских лексикографических источниках фиксируется иное значение ‘охрана, должность музейного работника; костельный деятель; место для укрытия, хранения’ (S16, XI, 592; L, II, 559; SW, II, 649; D, III, 1321). **Mostowniczy** ‘чиновник, следящий за мостами’: *Za exekutora upraszam... I.P. Antoniego Skalskiego mostow[niczego] Oszmianskiego*. В XIV–XVIII вв. мостовничим назывался ‘урядник, который следил за мостами, переправами, дорогами’ (ГСБМ, XVIII, 170). Польские лексикографические источники также фиксируют такое название должности чиновника в ВКЛ (SW, II, 1048). **Zrost** ‘возраст’: *do zrostu lat Sýna mego*. Словари польского языка описывают только *wzrost* ‘возраст’, лишь один источник фиксирует форму *zrost* в указанном значении как

диалектную (SW, XVIII, 611). В белорусском языке XIV–XVIII вв. функционировала лексема *zrostь* ‘возраст’ (ГСБМ, XIII, 197).

3. Лексика, представляющая собой пласт инноваций, не зафиксированных в словарях, не известных ни языкам-субстратам, ни литературному польскому языку. К этой группе относим семантические неологизмы: лексема приобретает новое значение, неизвестное польскому и белорусскому языкам, часто это ошибочное использование слова, являющееся чертой идиолекта; новые структурные образования (гибридные формы), появляющиеся на основании фонетической и лексической близости; а также латинизмы, не зафиксированные словарями, но обладающие признаками грамматической адаптации. Последнее, возможно, является также особенностью идиолекта авторов. Известно влияние латыни на пополнение лексического запаса польского и белорусского языков, использование латыни в официально-деловых текстах подчеркивало значимость, авторитет закона, свидетельствовало об образованности автора, поэтому неудивительно, что авторы насыщали тексты латинизмами. Что касается гибридных форм, то большинство таких образований возникло из-за недостаточного понимания значения слов, искажения звучания. Гибридизации и искажению подвергаются как латинизмы, так и славянизмы. О контаминированных образованиях см.: Kurzowa 2007, 121–124. Особенности идиолектов авторов исследуемых текстов составляют следующие единицы: *dyspozynować*, *rodejrzaly*; *rodzeństwo* ‘опека’; *patroch* ‘патрон’; *intruzja*.

Dyspozynować ‘распоряжаться’: *tak dyspozynunie y rozporządzam*. *Dyspozynunie* – это соединение лексем *dyspozycja* от лат. *dispositio* ‘размещение, упорядочивание’ (Sondel) и *dysponuję* от лат. *dispono* ‘разместить, распорядиться’ (Sondel). Эта лексема представляет собой гибридное образование вследствие контаминации двух слов, имеющих близкое звучание и значение. **Intruzja** ‘вмешательство’: *Do Dworu zas y budynkow JP Jozeff nelezeć nie ma y Intruzi czynic niepowinien*. Польскому языку известен геологический термин *intruzja* ‘каменная масса, образованная из застывшей магмы’ (D, III, 253), а также существительное *intruz* ‘кто-то навязчивый; непрошенный гость’ (SW, II, 106). В исследуемом тексте латинизм используется в своем первоначальном значении: *intrusio* ‘незаконное получение костельной должности; вмешательство во что-либо’ (Sondel). **Patroch** ‘патрон, покровитель’: *Xiędzu zas Swiatolowiczowi temu Patrochowi y Plebanowi*. Польскому языку известна лексема *patroch*, *patrochy* в значении ‘внутренности животных; сорт мака; крохи’ (L, IV, 63; SW, IV, 87). Однако в тексте она употреблена вместо *patron* ‘опекун, защитник’. Вероятнее всего предположить ошибочное понимание значения слов *patroch* и *patron*, поэтому писарь либо завещатель смешали слова в ре-

зультате их фонетической близости; возможно также, что это лишь графическая ошибка. **Podejrzały** 'пожилой': *będać w podeyrzłym Biegu Zycia Ludzkiego*. Известны две польские лексемы, близкие по значению: *podeszły* 'пожилой' и *dojrzały* 'зрелый'. В представленном примере наблюдаем результат их контаминации. **Rodzeństwo** 'опека, управление': *lanowi Łysogurskiemu Zapisuię Ogradow Dwa ieden pod Rodzeniem Marnasterskiej Cerkwi Dyzunickiej*. Польскому языку известны следующие значения данной лексемы: 'родные братья и сестры, семья, потомство; родство' (L, V, 55; SW, V, 548; D, VII, 1014). В представленном примере видим семантический неологизм.

Характеризуя представленную лексику по сфере употребления, можно выделить три области: 1) названия культурных, административных реалий ВКЛ, так как словарный состав – это одновременно и инвентарь соответствующей культуры (см. Хауген 1972, 64); 2) лексика, называющая бытовые явления, предметы «ежедневной реальности»; 3) особенности идиолектов авторов. Это подтверждает теорию Е.М. Верещагина о том, что при двуязычии употребляется именно та лексема, которая более устойчиво связана с называемым понятием (Верещагин 1969, 91–93). Также выбор связан с речевой ситуацией, т. е. говорящему важно знать, что его поняли, ситуация также может навязывать ему определенный стандарт речи: что и как сказать, а традиция написания завещания, как логично предположить, складывалась продолжительное время.

Источники

Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 30. Л. 139–142; Д. 31. Л. 651–654, 939–942, 1833–1836. Ф. 1786. Оп. 1. Д. 8. Л. 159–165, 625–628; Д. 6. Л. 207–214. Ф. 1709. Оп. 1. Д. 5. Л. 211; Д. 13. Л. 30–33; Д. 25. Л. 73–74, 76–77. Ф. 1805. Оп. 1. Д. 1. Л. 94–97; Д. 2. Л. 647–650. Ф. 1755. Оп. 1. Д. 58. Л. 308–309; Д. 59. Л. 137–138, 287–288; Д. 60. Л. 1–2, 66–67. Ф. 1769. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14, 39, 404; Д. 5. Л. 38, 386–387, 772.

Сокращения

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мн., 1982–2010. Вып. 1–30; **Даль** – Даль В. И. Толковый словарь жи-

вого великорусского языка: В 4 т. М., 2005; **СБГ** – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5 т. Мн., 1979–1986; **СГ** – Горбачевский Н. И. Словарь древнего актового языка Северо-западного края и царства Польского. Вильно, 1874: Репринт. изд. München, 1992; **ТСБЛМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. Мн., 1999; **ТСРЯ** – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2008; **L** – Linde S.B. Słownik języka polskiego. Lwów, 1854–1860. Т. I–VI; **S16** – Słownik polszczyzny XVI w. / Red. M.R. Mayenowa. Wrocław, 1966–2009. Т. I–XXXIV; **Sondel** – Sondel J. Słownik łacińsko-polski dla prawników i historyków. Kraków, 1997; **SW** – Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki J. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1927. Т. 1–8; **ZK** – Słownik regionalizmów // Kurzowa Z. Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich: XVI–XX w. Warszawa, 1993. S. 331–460; **D** – Słownik języka polskiego / Red. naczelny W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1968. Т. I–X.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 25–60.
- Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000.
- Вярэніч В.Л. Польскія перыферычныя гаворкі на ўсходзе // Польские говоры в СССР. Мн., 1973. Ч. 1. С. 5–21.
- Верещин В.Л. Состояние и перспективы исследования «польщины кресовой» // Польские говоры в СССР. Мн., 1973. Ч. 1. С. 183–212.
- Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969.
- Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.
- Жураўскі А.І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мн., 1967. Т. 1.
- Жураўскі А.І. Двухмоўе і шматмоўе ў гісторыі Беларусі // Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў. Мн., 1982. С. 18–49.
- Свяжынскі У. Народы і мовы // Вялікае Княства Літоўскае: Энцыкл.: У 2 т. Мн., 2005. Т. 1. С. 58–66.
- Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 61–80.
- Kurzowa Z. Język miejski przedwojennego Lwowa // Ze studiów nad polszczyzną kresową. Wybór prac. Kraków, 2007. S. 101–137.
- Kurzowa Z. Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich: XVI–XX wiek. Warszawa, 1993.
- Kurzowa Z. Z badań nad polszczyzną północnokresową XVII i XVIII w. // Ze studiów nad polszczyzną kresową. Wybór prac. Kraków, 2007 [a]. S. 192–220.

Поступила в редакцию 20.01.11.

Ольга Николаевна Корсак – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А.А. Кожина.